

БОЖЕСТВО ГРОМА В ТАРОНЕ¹

В. А. АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН

В статье идет речь об армянском ономастиконе Тарон (Taron, Taron), связанном с индоевропейскими мифами. Название гавара и области Тарон — очевидно, одно из самых архаичных топонимов Армянского нагорья, т. к. Тарон — это имя и удел бога грома. Сакральная топография Тарона демонстрирует преобладание церквей в честь св. Карапета, заменивших храмы бога-громовника (Ваагн, Куар, Гисанэ). Во многих христианских конфессиях можно проследить генетическую связь святых с образом Громовержца. Армяне не столько вошли в новый христианский мир, сколько стали его важной составляющей. Переход от язычества к христианству — обычно коренная ломка менталитета и появление новой культуры, однако в Армении, по мнению автора статьи, процесс замещения языческих богов христианскими святыми, вероятно, отличался определенной мягкостью трансформации исходного образа.

Тарон (Турубера) в юго-западной части Армянского нагорья — одно из древнейших мест обитания человечества и колыбель армянского этноса. Хеттские анналы (XV–XIV вв. до н. э.) дают представление о народе (племени, союзе племен) Хайаса², обитавшем в верховьях р. Евфрат. После крушения Хеттского государства название Хайаса исчезает из ассирийских и урартских надписей, и эта часть Нагорья с названиями Шуприя или Арме входит в состав царства Урарту. К северу от племен Арме-Шуприя располагалась федерация племен Сокхми, и впоследствии произошло слияние всех этих племен³. В этногенезе армянского народа участвовали, помимо автохтонов, доурартские, индоевропейские потоки населения, а позднее киммерийско-скифские напластования⁴. Господство ски-

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Трансформация исторической памяти: от устной исторической традиции к письменной» программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

² Джаукян Г. Б. Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам. Ереван, 1964; *Он же*. О соотношении хайасского и армянского языков // Историко-филологический журнал [далее — ИФЖ]. Ереван, 1988. № 1. С. 60–88.

³ Еремян С. Т. Союз армянских племен в стране Арме-Шуприя // История армянского народа. Ереван, 1971. Т. 1. С. 230–245 (см. указанную литературу).

⁴ О путях проникновения киммерийцев и скифов в Южное и Северное Причерноморье, в Закавказье и на территорию современных Грузии, Армении, Турции (см.: Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишкова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 218–220. Прим. 179, 180).

фов на большей части Малой Азии, Армении и северного Ирана продолжалась до их разгрома в 20-х гг. VII в. до н. э. объединенными силами мидян, персов и армян, тот же союз нанес сокрушительный удар царствам Ассирии и Урарту⁵. Тарон позднее входил в круг эллинистических монархий, а затем последовательно в Армянские царства Оронтидов (Ервандаканов), Арташесидов, Аршакидов, Багратидов.

Область (наханг) Турубера, согласно данным «Армянской географии», включала в себя 16 гаваров, самым важным из них был гавар Тарон, его именем часто обозначалась вся область⁶. Тарон был расположен на берегах реки Арацани (Евфрат) и ее притока Меграгет. Его границами являются высокие горные цепи и отдельные хребты — с севера горный массив с вершиной Серманц (ныне Бингель-даг), с юга — Армянский Тавр с вершинами Сим, Немруд и др., в центре расположены равнины, перемежающиеся грядами холмов⁷. Тарон — одна из наиболее многонаселенных (до начала XX в.) областей Армении с особым психо-физиологическим обликом его обитателей, главным образом, горцев — традиционно охотников, пастухов и воинов, т. е. физически крепких, привычных к лишениям и опасностям людей, хорошо владеющих оружием (они составляли пешие полки стрелков и метателей камней, входили в народное ополчение и партизанские отряды с древнейших времен и до XX в.). Нахарарская конница Тарона исчислялась более чем тысячью всадников⁸. Тарон — удел дома Мамиконянов, а Мамиконяны (владельцы обширных областей, наследственные главнокомандующие (спарапеты) армянского войска, наставники и регенты цариц, «делатели царей» и правители страны после падения династии Аршакидов) в течение столетий были лидерами борьбы за независимость с Сасанидским Ираном и Арабским халифатом⁹. Н. Адонц писал: «Трудно найти в истории такой княжеский дом, который на протяжении веков оставался так верен родовому мировоззрению и традициям. Вместе с кровью они наследовали героический

⁵ Капанцян Г. А. К начальной истории армян. Древняя Малая Азия // Историко-лингвистические работы. Ереван, 1956. С. 5–265. Новейшие открытия, касающиеся топонима и этнонима Naia в его соотношении с Armi и Azi, подтверждают, по мнению Вяч. Иванова, правильность выводов Г. А. Капанцяна относительно соответствия этого ономастикона древнему названию и самоназванию армян и протоармян (*Иванов Вяч. Вс.* Выделение разных хронологических слоев в древнеармянском и проблема первоначальной структуры текста гимна Ва(х)агну // ИФЖ. 1983. № 4 (103). С. 30–31). Иванов выделяет в дописьменной истории армянского языка наряду с периодами интенсивного иранского влияния и более раннее воздействие северо-кавказских (включая хуррито-урартские ок. II–I тыс. до н. э.) и хетто-лувийских индоевропейских диалектов и еще более древнего диалектного армяно-индо-иранского единства после вычлечения этого единства из общеиндоевропейского (Там же. С. 22–43; *Он же.* Славянский, балтийский и раннебалтийский глагол. М., 1981).

⁶ *Еремян С. Т.* Армения по «Ашхарацуйц»-у (Армянской географии VII века). Ереван, 1963. С. 116.

⁷ Там же. С. 70, 71, 74, 76, 85, 106–107, 116.

⁸ *Айвазян К. В.* «История Тарона» и армянская литература IV–VII веков. Историко-филологическое исследование. Ереван, 1976. С. 68–70.

⁹ *Арутюнова-Фиданян В. А.* Родовое предание и ранняя историография // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2003. С. 9–16.

дух своего рода»¹⁰. Центр Армении довольно рано переместился в Айрарат¹¹, но Тарон, всегда игравший одну из ведущих ролей в истории всей Армении, в то же время имел собственную историю, обусловленную географическим положением, природными ресурсами и особенностями менталитета его обитателей, рожденного, помимо прочих причин, особыми условиями этногенеза, а также доисторического и исторического бытия региона. Юго-западная часть Армянского нагорья (Тарон, Сасун, Васпуракан) — самая архаичная часть Армении, и именно с этим регионом связана большая часть армянских эпических циклов¹²: «Персидская война» — Тарон и Айрарат, «Таронская война» — Тарон, «Сасунские удалцы» («Сасунские безумцы» или «Давид Сасунский») — Сасун и Тарон. Устные предания отражены в ранней армянской историографии: этногонические легенды и Випасанк записаны в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, эпос «Персидская война» нашел отражение в «Истории» Мовсеса Хоренаци и в «Бузандаране», в трудах Агафангела (V в.) и Себеоса (VII в.), «Таронская война» — в «Истории Тарона» Псевдо-Иоанна Мамиконяна (последняя редакция этого сочинения, возможно, относится к X в.), эпос «Сасна Црер», повествующий о событиях VII–XII вв., записан только в XIX в.

В небольшой статье, резюмирующей его труды по армянской мифологии, С. Арутюнян из сложного комплекса сюжетов и образов армянских мифов (в который вошли предания доэтногенетического периода и эпохи генезиса армян и который впитал различные этнокультурные течения) выделил ряд основных мифологем и среди них: борьба астрального лучника и охотника с демоном тьмы; умирающее и воскресающее божество; герой, заключенный в пещеру; легенды о близнецах. Метаистория, существующая вне времени, постепенно преобразуется в историю героического эпоса, а хтонические демоны трансформируются в конкретных врагов, и борьба между Космосом и Хаосом превращается в противостояние «своих» и «чужих». Очень важно наблюдение, что в этой оппозиции этноним «армяне» (протоармяне, *hauk'*, хаи, что бы этот этноним ни означал на протяжении столетий и даже тысячелетий) безразличен ко времени и пространству, в то время как «чужие» устной традиции меняются вместе со временем (вавилоняне, затем ассирийцы, мидяне, сирийцы, персы, арабы)¹³.

¹⁰ *Адонц Н.* Исторические исследования. Париж, 1948. С. 42 (на арм. яз.).

¹¹ Об этимологическом решении генезиса самоназвания армян и генетической связи страны Этиуни (где находится Айрарат) со становлением армянского этноса см.: *Петросян А. Е.* Самоназвание армян и вопрос локализации носителей протоармянского языка // Вестник общественных наук. 1991. № 5. С. 120–124 (см. указанную там литературу).

¹² За исключением этногонического мифа и «Випасанка», события которых сосредоточены в Айрарате.

¹³ *Арутюнян С.* Основные черты древнеармянской мифологии // Историко-филологический журнал. Ереван, 2006. № (173). С. 57–65. С. Арутюнян считает, что модель мира древнеармянской устной традиции — это борьба протоармян или армян против завоевателей за независимость, а также созидание (т. е. стремление к созданию устойчивых структур: страны, государственности, общества). Эта модель воплощена, как полагает автор, не только в мифологии и эпической поэзии, но и в историографии и литературе с древнейших времен до XX в. (Там же. С. 65). Ср. также: *Саркисян С.* Верования, религия, культуры и пантеон богов древних армян. Ереван, 2001 (на арм. яз.).

Основные противники армянских этногонических, а затем и эпических героев — это южные соседи Армении, и потому Армянский Тавр, южная граница Тарона, в то же время отделяет от всей Армении враждебный ей мир. Тавр (ταῦρος) — бык, синоним бога грозы, ведущего божества всех индоевропейских и более поздних пантеонов. С. Л. Николаев и А. Б. Страхов полагают, что современное состояние реконструкции индоевропейского имени бога-громовержца, возводимое, в частности, к индоевропейской праформе литовск. *Perkunas* (слав. *Регунъ), нельзя признать полностью удовлетворительным¹⁴. Исследователи предлагают и другой теоним для реконструкции и.-е. праформы имени бога грома, исходя из анатолийского **Tarhun*¹⁵, *Tarhunt-, кельтского *taranV-. «Анатолийские формы восстанавливаются на основании соответствий: хеттское имя бога грозы ^d*Tarhu*-, ^d*Tarhunna*- (идеографически ^d*U*, ^d*IŠKUR*-); лик. имя бога *Trqqa*-, *Trqqnt*-; лув. *Tarhunt*- ‘бог грозы’: им. п. ^d*tar-hu-un-za* (*/tarhunz/* < *tarhunt-s)) , дат. п. ^d*IŠKUR-ti*, ^d*U-ti*, ^d*IŠKUR-u* [*n-t*]i (*Tarhunti-); лув. иер. им. п. **tarhu(n)ts*, дат. п. **tar-hu(n)ti* ‘бог (грозы?)’; сюда же, очевидно, восходят лидийское им. собств. (в греческой передаче) *Τάρχων* и этрусское им. собств. (в латинской передаче) *Tarchō* (род. п. *Tarchōnis*), *Tarchōn* (ср. известное имя героя в «Энеиде»), родовое этрусское имя (в латинском морфологическом оформлении) *Tarquinius*, ср. также этр. *Tarχis*, *Tarχnalθ*, *Tarχumeraia*, *Tarχunies* (название г. Тарквиний)»¹⁶. Исследователи считают, что «независимо от того, связана ли анатолийская основа *tarhun- и родственные формы других индоевропейских языков с глагольным корнем **tarh(u)* (<*torH-) (побеждать, мочь), нет сомнения, что анатолийские названия бога-громовержца родственны кельт. *taranV- ‘гром, бог-громовник’: кимр. *taran*, ирл. *torann*, др.-корн. *taran*, брет. *taran*, гал. (в латинской передаче) *Taranis* — имя бога (видимо, громовержца). Кельт.*taranV- и анат. *tarhun- могут быть возведены к и.-е. *trHon- «гром; бог-громовержец»¹⁷. Исследователи наблюдают в кашубском материале не только рефлекс обычного слав. *perunъ, но также и не отмеченного в других славянских языках в явном виде *taronъ, *ъbronъ ~ *ъronъ*, возможно, восходящего к и.-е. *trHon-.

По мнению исследователей, «наиболее достоверной из предложенных славянских праформ является праформа *taronъ. ... Тем не менее нельзя исключать возможность непосредственного возведения слав. *taronъ к и.-е. источнику. В этом случае более архаичными будут праформы *ъbronъ либо *tronъ (и.-е. *trHon-)». Исследователи приводят данные анатолийских, кельтских и славянских языков, а также сведения из индийского языка и полагают, что к этому же индоевропейскому корню восходит герм. *punaraz — ‘гром, бог-громовержец’; др.-исл. *punarr* и *pōrr*, норв. *tor* и т. п.¹⁸ Имя Тару, бога города Нерика, одного из важнейших религиозных центров на северо-востоке Хеттской империи, главы

¹⁴ Николаев С. Л., Страхов А. Б. К названию бога-громовержца в индоевропейских языках // Балто-славянские исследования. 1985. М., 1987. С. 149.

¹⁵ Здесь и далее по цитируемому тексту под графемой *h* стоит знак ˇ.

¹⁶ Там же. С. 150.

¹⁷ Там же. С. 151.

¹⁸ Там же. С. 152–153.

древнейшего пантеона, связанного и с небесными водами, и с водами источников и колодцев, является индоевропейским заимствованием¹⁹.

Армянский ономастикон Тарон (Տարաւոն, Թարօն), таким образом, связан с индоевропейскими мифами (может быть, со второй половины второго тысячелетия до н. э.)²⁰. Название гавара и области Тарон — очевидно, одно из самых архаичных топонимов Армянского нагорья, т. к. Тарон — это имя и удел бога грома.

Древнейший гимн богу грома сохранен в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци. Вяч. Вс. Иванов предложил вероятную гипотезу о наличии в этом гимне первоначальной структуры, отражающей принципы если не общеиндоевропейской, то общеиндо-иранско-армяно-греческой мифопоэтической традиции. Исследователь полагает иранские, северокавказско-хуррито-урартские воздействия в лексике гимна более поздними. Первоначальная же индо-ирано-греческая традиция, к которой примыкала дописьменная армянская, «характеризуется наличием кеннингов, звуковым обыгрыванием структуры некоторых ключевых слов (анаграммы) и наличием устойчивых метрических схем»²¹. Исследователь отмечает, что время выделения протоармянского из диалектного индо-ирано-греко-армянского диалекта совпадает со взаимодействием с хетто-лувийским в период ареальных контактов протоармян с населением Малой Азии и Северной Сирии и в период связей с неиндоевропейскими соседями — языками северокавказской языковой семьи (хурритским и хаттским).

erknēr erkin, erknēr erkir,
 erknēr ew օւոն շիրանի
 erkn i օւոնսն unēr ew շիրանիկ
 ան անգան ր'օղ շիրանի
 ան անգան ր'օղ արանի
 ew i արանիսն տարեալ տանակի
 ու ի արանիսն տարեալ տանակի
 ew աճկոնք'ն քան արանիսն

Мучилось небо, мучилась земля,
 Мучилось и море пурпурное
 Мучился красный тростник
 Из тростника вышел дым
 Из тростника вышло пламя
 Рыжий вставал паренек
 Волосы словно огонь
 Пламя — его борода
 Солнце — в глазах-родниках²².

¹⁹ *Петросян А.* Армянский эпос и мифология. Истоки. Миф и история. Ереван, 2002. С. 9–10.

²⁰ Там же. С. 22, 33, 34, 62, 140, 141, 156, 157, 164, 197, 198. Об индоевропейском происхождении имен бога грома, возможных связях Трояды и Тарона см.: Там же. С. 164.

²¹ *Иванов Вяч. Вс.* Выделение разных хронологических слоев. С. 23 и сл.

²² Толкование и перевод В. В. Иванова. *Иванов Вяч. В.* Указ. соч. С. 33–43.

Вяч. Вс. Иванов суммирует собственные исследования и выводы своих предшественников об этом гимне, давно привлекавшемся для сравнительно-исторического изучения индоевропейской поэтики. Парность неба и земли подчеркивается этимологической связью слов *erkin* ‘небо’ и *erkir* ‘земля’. Индоевропейское *dw (*tw) переходит в арм. *erk* ‘два’, глагол же *erknel* образован либо от той же основы числительного «два», либо от предиката «быть в количестве двух» и соотносится со значением «мучиться родовыми муками», «мучиться, раздваиваясь», которое нашло отражение в других языках. Этот фрагмент текста восходит к общегреческо-протоармянскому поэтическому языку²³. Однако в триаде небо-земля-море море обозначено более поздним хуррито-урартским именованием, и к нему подобран по тому же принципу анаграмматической звукописи эпитет «пурпурный» — *sov çirani*. В тексте два слова обозначают «огонь»: *boc*’ и *hur*, последнее слово относится к волосам бога «*na hur her unēr*» — ‘он имел огненные волосы’. Исследователь полагает, что в следующей строке должно было бы стоять не *boc*’ (позднейшее заимствование), а общеиндоевропейское *poH(H)ur*, т. к. это название огня образовывало бы анаграмматическую фигуру с названием бороды, поскольку в каждой строке кеннинг реализуется и в анаграмме. В последней же строке слово *aregakunk*’ включает др.-арм. *arew* — ‘солнце’ и *akn* — ‘источник’ в форме мн. ч. *akunk*’ и составляет анаграмму к *aç kunk*’*n* — ‘глаза-источники’. Исследователь убедительно показывает, что стихотворение представляет собой цепь единообразных индоевропейских кеннингов, кодированных анаграммами, метрическая структура текста восходит к общеиндоевропейской, а текст гимна — один из наиболее показательных образцов индоевропейской мифологической поэзии²⁴.

Для целей настоящей работы важно, что в процитированных выше пассажах из двух лингвистических исследований содержится убедительная аргументация, касающаяся именованного бога грома и его атрибутов, имя от и.-е. *tṛhon*, отсюда ^d*Tarhu*- и его идеографическое соответствие ^d*IŠKUR*-, а *hur* (‘огонь’) или реконструированное **poH(H)ur* — обозначение огненных волос бога. Иными словами, имя бога-громовника из гимна, сохраненного Мовсесом Хоренаци, может быть образовано либо от *tṛhon* (т. е. Тарон), либо от корня *-kur* или *-hur*.

Мовсес Хоренаци называет этого бога Вахагном и, верный принципам демифологизации, вставляет его в генеалогический ряд Хайкидов, он назван одним из сыновей Тиграна, который убил Аждахака (дракона)²⁵. Мовсес Хоренаци сообщает, что он «собственными ушами слышал пение этой [песни] в сопровождении пандирна. Далее в песне сказывалось, что Вахагн сражался с драконами и победил их, и приписывались ему некоторые подвиги, очень похожие на Геракловы. Говорят также, что он обожествлен: в Иверской земле почитали жертвоприношениями его статую, сделанную в рост»²⁶. Драконоборец Вахагн — не-

²³ Иванов Вяч. В. Указ. соч. С. 33–36.

²⁴ Там же. С. 36–43.

²⁵ Мовсес Хоренаци. История Армении / Крит. текст и предисловие М. Абеяна и С. Арутюняна. Факс. изд. с дополнениями А. Б. Саргсяна. Ереван, 1991. С. 85–86 (на арм. яз.). Далее — Мовсес I.

²⁶ Мовсес Хоренаци. История Армении / Пер. с древнеарм. яз., введение и примечания Г. Саркисяна. Ереван, 1990. Далее — Мовсес II.

сомненно, бог грома, исследователи по большей части считают, что его имя произошло от иранского Веретрагны. В Аштишате находился храм Вахагна вплоть до христианизации края, и по всему Тарону были разбросаны капища Вахагна (позднее отождествляемого с Гераклом²⁷). Гимн, однако, посвящен прототипу Вахагна — божественному эпониму области Тарон, вобравшему в себя черты древнейших местных богов.

Ономастический элемент ha-a (=ha[u]a), по мнению А. Петросяна, является эквивалентом арм. Куаг, который можно сопоставить и с ономастикомом Киг южных соседей Армении (шумеро-вавилонский регион) и с урартским Quera²⁸. Божество Куэра, которое входило в пантеон Ванского царства, по-видимому, было божеством плодородия и сопоставляется исследователями с грузинской богиней Квирией и индийской Куберой. Культ этого божества (доурартского происхождения) во времена Урарту был связан с почитанием воды, в двух урартских надписях упоминаются родники, посвященные этому божеству²⁹. Возможно, что это иная ипостась верховного небесного божества, связанного с водой, небесной и земной. Во всяком случае, существует плохо сохранившаяся надпись царя Ишпуи (ок. 823—811) близ восточного берега озера Ван, где упоминается Куера, сделанная на древнем мегалите — вишапе, который также является охранителем вод и гораздо древнее Урарту.

Мегалиты — изображения рыб-вишапов — открыты Н. Я. Марром и Я. И. Смирновым высоко в горах на летних кочевьях Армении, а впоследствии были обнаружены в Грузии, на Сев. Кавказе, в Сев. Монголии и других регионах. Эти колоссальные (до 4,5 м) каменные рыбы находились в горах, на летних кочевьях, вне пределов постоянного обитания и связаны с горной ирригацией, имеющей целью увеличение воды в реках, а также для нужд скотоводства³⁰. Эти божества впервые возникли у скотоводческих народов как хранители скота, водопоев, пастбищ и источников. Вишапы высечены из целого камня, детали фигур и изображения в рельефе одного типа представляют рыбу, другого — имеют на себе символическое изображение жертвоприношения в виде буйволово́й, воловьей или бараньей головы со шкурою, причем на одних вишапах этот рельеф находится ниже пасти или на груди, на других — шкура перекинута через голову. Из рта жертвенного животного обычно извергаются струи воды, иногда вода изображается ломаной линией сбоку от шкуры. Среди волнистых линий, изображающих воду, иногда находится и изображение змеи. Один из вишапов из Токман-гёль несет на себе не только изображение шкуры животного с рельефной головой и двух голов змей, но в средней его части помещены две фигуры длинноногих птиц — журавлей или аистов. Птицы олицетворяют небо, верхний

²⁷ Петросян А. Указ. соч. С. 41.

²⁸ Там же. С. 188.

²⁹ Арутюнян Н. В. Топонимика Урарту. Ереван, 1985. С. 114, 115; *Он же*. Биайнили-Урарту. Военно-политическая история и вопросы топонимики. СПб., 2006. С. 274, 326—328, 330; Амаякян С. Г. Культ божества Куэра-Куар на Армянском нагорье // ИФЖ. 1990. № 1 (128). С. 152—167.

³⁰ Марр Н. Я., Смирнов Я. И. Вишапы. Тр. ГАИМК. Т. 1. Л., 1931; Пиотровский Б. Б. Вишапы. Л., 1939; Меликсет-Беков. Вишапы и вишапоиды Грузии // Краткие сообщения. ИМК. Вып. 15. 1947.

мир, рыба или змея — мир нижний, хтонический, животные — срединный мир (землю). Высказывались предположения, что в основе, например, скифских фантастических синкретических образов, объединяющих черты разных животных, лежит попытка моделирования космоса (в целом) посредством соединения в одном персонаже элементов тех зооморфных существ, которые маркируют разные космические зоны³¹. Исследователи обсуждают способы систематизации составляющих модели мира, т. е. метафорический код моделирования мира³². В этом контексте можно предположить, что вишاپ — первоначально некая космограмма, модель, демонстрирующая единство космоса и метафоризм архаического мышления. На золотых ножнах кинжалов (акинаков) из Мельгуновского и Келермесского курганов (начало VI в. до н. э.) изображены львы с головами грифонов, быков и баранов, с крыльями в виде рыб, напоминающие образы вишапов кавказского фольклора.

Вишапы были установлены не только у водоемов, где поили скот, но вблизи сложной системы каналов, т. к. виноградники и пашни вокруг Арташата, Двина и других больших городов могли существовать только благодаря сложной ирригационной системе, начинающейся почти у самой снеговой линии и состоявшей из ряда каналов и искусственных водохранилищ.

Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов рассмотрели представления о вишапах в Армении (или вешапах — в Грузии) на большом фольклорном материале. В сказках вишапы — чудовища в виде огромных змей или драконов, с которыми сражается герой, но иногда в них проявляется и древний образ вишапа — божества плодородия и воды³³.

В одной из версий предания о сражении Зевса с Тифоном, последний — скорее рыба, чем дракон³⁴. В армянской устной традиции вишاپ — дракон, гигантская змея или рыба. В армянском переводе Библии в эпизоде с Ионой в чреве кита, наряду с греческим словом «кит», употребляется термин «рыба-вишاپ». Культ рыбы существовал на Кавказе в горных районах и в регионе Ванского озера. Среди скифских золотых изделий встречаются части конского убора в форме рыбы³⁵. В ванских легендах тысячелетний вишاپ Ванского озера постоянно растет, и ангелы вытягивают его из озера в небо, где его сжигает солнце³⁶.

Киракос Гандзакечи приводит легенду, по которой Иоанн — строитель храма Одзун (одз — змея) — превратил в камень двух вишапов, а когда вишапы окаменели, из брюха их полилась целебная вода. А Григорий Магистр Пахлавуни в письме к князю из рода Мамиконянов рассказывает легенду о «рыбе, называемой Аждахаке», которая принесла женщине, плакавшей на берегу р. Фисон, жемчужину, достойную царского венца, эту драгоценность женщина подарила царю Хосрою, он на ней женился и велел «возблагодарить богов богатыми дарами,

³¹ Раевский Д. С. Мир скифской культуры. М., 2006. С. 410.

³² Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 172 и сл.; Раевский Д. С. Указ. соч. С. 289–292.

³³ Пиотровский Б. Б. Вишапы. Каменные статуи в горах Армении. Л., 1939. С. 3–18.

³⁴ Петросян А. Указ. соч. С. 110. Прим. 373.

³⁵ Пиотровский Б. Б. Указ. соч. С. 27–29.

³⁶ Петросян А. Указ. соч. С. 89. Явное напоминание о битве соляного божества с демоном тьмы.

изображение же рыбы, называемой Аждахаком, велел сделать как идола на берегу реки Фисон, на том самом месте, чтобы приносить жертвы». Образ вишапа в армянской традиции, таким образом, достаточно сложен и его первоначальное содержание — доброе начало — противоречит позднему отождествлению вишапов с дэвами и каджами (злыми духами)³⁷.

Аджахак — персидское, турецкое и курдское соответствие армянского «вишап». Место нахождения мегалитов в Гехамских горах курды называют Аждахюрт, а армяне Вишапнер.

В армянских преданиях вишапами называются также мидийцы, а имя последнего мидийского царя Астиага передается как Аждахак. Мовсес Хоренаци пишет, что существуют песни, «рассказывающие об Арташесе и его сыновьях и упоминающие также потомков Аждахака, называя их иносказательно драконородными (вишапазунк), ибо Аждахак на нашем языке означает дракона (вишап)»³⁸.

И если Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов провели все возможные параллели между атрибутами вишапов-мегалитов и вишапов армянских преданий, эпоса и сказок, то Б. Б. Пиотровский задавался вполне резонным вопросом, были ли статуи в горах «вишапами» устной традиции или это их позднее осмысление?³⁹

Первые каменные вишапы с определенной вероятностью датируются XVIII–XVI вв. до н. э., т. е. доурартским временем⁴⁰. Урартская надпись на вишапе из Гарни, с одной стороны, подчеркивает древность каменных мегалитов, а с другой — указывает на связь с культом божества Куэра. Один из искусственных источников, сооруженный царем Менуа (811–781) в провинции Нор Ширакаван и посвященный божеству Куэра, позже именовался Эждаха булаки в переводе — «родник Аждахака»⁴¹. Этот параллелизм еще раз подтверждает сходство функций вишапов — охранителей родников и пастбищ, культ которых восходит к индоевропейской мифологии, и урартского божества плодородия и воды Куэры. Исследователи справедливо полагают, что смена религий — это переворот прежде всего терминологический, ономастический, под новыми именами продолжают свое функциональное существование древние боги (в культурах и обрядах)⁴². Однако древний ономастикон Тарона Куар оставался неизменным почти тысячелетие, как и функции божества. В любом случае, Куар оставался божеством, связанным с водой.

Этот ономастикон возникает и в ранней армянской историографии — в двух памятниках VII в., окончательно отредактированных в X в.: в I части «Истории Тарона» Псевдо-Иоанна Мамиконяна⁴³ и в «Истории 684 г.» из сборника «Исто-

³⁷ Пиотровский Б. Б. Указ. соч. С. 20–29.

³⁸ Мовсес I. С. 84; Мовсес II. С. 45.

³⁹ Пиотровский Б. Б. Указ. соч. С. 29.

⁴⁰ Аракелян Б. Н., Арутюнян Н. В. Урартская клинописная надпись из Гарни // ИФЖ 1966. № 2. С. 291–293.

⁴¹ Амаякян С. Г. Культ божества Куэра-Куар на Армянском нагорье. С. 152–166. См. там же литературу о вишапах (С. 166. Прим. 75). С. Г. Амаякян полагает, что божество Куэра могло восприниматься и как антропоморфное, и в образе дракона (Там же. С. 167).

⁴² Абаев В. И. Как апостол Петр стал Нептуном // Этимология. 1970. С. 322.

⁴³ «История Тарона» дошла до нас во множестве списков. Большая их часть (23 рукописи) находится в Матендаране (Ереван). Две рукописи относятся к XIII в., одна — к XIV, осталь-

рия страны Алуанк» Мовсеса Каланкатуаци. Первый раздел «Истории Тарона» посвящен христианизации края в начале IV в.

Тарон с культурами армянских эллинизированных и иранизированных языческих богов (Вахагн, Астхик, Анаит — в Аштишате), с богатыми храмами и сильным влиянием жрецов оказал решительное сопротивление миссии Григория Просветителя. В рассказе о «первой войне с язычниками» есть упоминание о том, что Григорий на пути в Валаршапат из Кесарии, где Леонтий Кесарийский рукоположил его примасом Армении, узнает, что в гаваре Тарон остались «два капища и там до сих пор почитают дэвов», и он отправился туда, «чтобы сокрушить и их. И пришел в землю Палуник, аван Гисанэ, селение Куар»⁴⁴, а далее следует легенда о появлении идолов в Тароне.

«Деметр и Гисанэ были князья индов и братья по племени. Они бежали из царства индов и достигли этой страны. Царь Валаршак пожаловал им во владение землю Тарон, где они построили город и назвали его Вишاپ. Придя затем в Аштишат, они поставили здесь идолов, тех, которых почитали в Индии.

Спустя пятнадцать лет [армянский] царь убил их обоих и владения их отдал их сыновьям — Куару, Мелдесу и Хору [Хореану]. И построил Куар аван и назвал его своим именем Куар, и Мелдес построил в поле аван и назвал Мелди, а младший, перейдя в гавар Палуник, построил там аван и назвал Хореан.

И по прошествии времени, посоветовавшись меж собой, Куар, Мелдес и Хореан поднялись на гору Каркэ и нашли там такое место, где был простор для охоты и прохлады, а также обилие травы и деревьев. И построили они там дастакерт и поставили там двух идолов: одного по имени Гисанэ и другого по имени Деметр и предоставили им в служение свой род»⁴⁵. Эта легенда являет собой концентрацию фольклорных мотивов, сакральных образов и топонимов, в ней наличествуют и вполне индоевропейский сюжет скитания и обретения новой родины, и родоплеменное сказание о предках, и протоистория края. Свертывание и генерализация устных преданий в один текст сближает в одном пространстве разновременные события. Куар не назван здесь богом, он — «спасавор», хранитель культа предков, жрец «великого бога Гисанэ», вместе с тем с ним лингвистически прочно связаны атрибуты бога грома, в их числе сохранение связи между нарицательным существительным и именем собственным⁴⁶: каг — камень и гора Каркэ⁴⁷, где обитает Куар. Следует отметить и пейзаж обитания богов и их жрецов на горе Каркэ — вполне символический, хотя и не исключающий реальных соответствий в горном Тароне. И, кроме того, в современном «Истории Тарона»

ные — к XVI, XVII, XVIII вв. Большое количество рукописей и тысячелетнее бытование сборника доказывают его несомненную популярность у читателей. Критическое издание «Истории Тарона» выполнено А. Абрамяном: *Мамиконян Иоанн*. История Тарона. Ереван, 1941 (на др.-арм. яз.), далее — История Тарона; *Avdoyan L. Pseudo-Jovhannes Mamikonean. The History of Taron*. Atlanta, 1993 (см. указ. там литературу).

⁴⁴ История Тарона. С. 79. (селение в тексте — «калакагюх»).

⁴⁵ Там же. С. 107–109.

⁴⁶ *Иванов В. И., Топоров В. Н.* Исследование в области славянских древностей. М., 1974. С. 32, 69, 85, 94 и сл.

⁴⁷ Каменные стрелы — атрибут бога грома. Вспомним каменные столбы, которые воздвигли в память погибших из войска жрецов (История Тарона. С. 94–95). См. выше.

сборнике «История страны Алуанк» Куар — бог грозы. В источнике VII в., включенном в «Историю страны Алуанк» и условно названном «Историей 684 г.», повествуется о миссии епископа Мец-Колманка Исраэла в Ворочан к гуннам и упоминается Куар «бог молний». Описывая «вздорные и ложные верования» и «скверные языческие обряды гуннов», христианский клирик рассказывает: «Если громогласное огненное сверкание молнии, обжигающее эфир, поражало человека или животное, то они считали, что это жертва, посвященная богу Куару, и служили ему»⁴⁸. С. Г. Кляшторный предполагает, что «унаследованный гуннами на Кавказе бог Куар, вероятно, оставался богом местного иранского населения, а в пантеоне самих гуннов его образ слился с образом громовержца Тенгри-хана (Аспандиата)»⁴⁹. Автор «Истории 684 г.», для которого Куар (Тенгри-хан) был главным противником Христа, описывает языческие храмы, где были установлены идолы и священные роши, в которых самые высокие деревья олицетворяли бога. Исраэл обратил в христианство Алп-Илитуэра, предводителя гуннов, и повелел срубить самое большое дерево — дуб, посвященный Аспандиату, которому приносили в жертву лошадей⁵⁰, и тогда жрецы «с простолюдинами» пришли к князю гуннов и его вельможам и потребовали ответа за разрушение капищ и жертвенников, построенных «нашими предками». «Цари и князья, и весь наш народ по сей день почитали эти капища и получали от них и от деревьев священных добрые дары и умножение народа в нашей стране, [они] давали силу и победу в битвах с нашими врагами... Ведь когда вы поклонялись и приносили жертвы и дары деревьям, посвященным колоссальному богатырю Аспандиату, вы получали все, просили и находили добро: больные получали исцеление, неимущие — состояние, во время засухи палящей и в знойные, жаркие дни мы силою их вызывали дожди, которые охлаждали сильный зной, поили растения и саженцы, наполняли [соками] плоды на пищу вам и в наслаждение. А также для вас мы прекращали ливневые дожди и усмиряли громогласное возмущение и сверкание молний с облаков»⁵¹. Христианизация Тарона при Григории Просветителе в начале IV в. гораздо более масштабна и успешна, нежели недолгая христианизаторская миссия Исраэла у гуннов. Однако сравнение событий христианизации двух отдаленных во времени и пространстве регионов демонстрирует некое типологическое сходство. Князья Тарона были обращены в новую веру, между тем «сельские мужи» держали сторону жрецов, как и «простолюдины» из гуннов (в отличие от Алп-Илитуэра и его окружения, обращенных в христианство).

На горе Каркэ, в Иннакнеане стояли два идола. Деметр в одном месте источника назван братом, а в другом «сыном Гисанэ» (статуя Гисанэ была сделана

⁴⁸ *Мовсес Каланкатуаци*. История страны Алуанк / Критический текст и предисловие В. Д. Аракеляна. Ереван, 1983. С. 240–241 (на арм. яз.), далее Мовсес К. I; *Мовсес Каланкатуаци*. История страны Алуанк. Ереван, 1984 / Пер. с древнеарм., предисловие и комментарий Ш. В. Смбатяна. Ереван, 1984. С. 124, далее Мовсес К. II.

⁴⁹ *Кляшторный С. Г.* «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский Олимп // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 123.

⁵⁰ Мовсес К. I. С. 250.

⁵¹ Мовсес К. II. С. 128.

из меди, а Деметра — из камня), т. е. Деметр был младшим из «парных» богов⁵². Гисанэ — бог грома, одним из его атрибутов, переданных св. Карапету, было пребывание в «громыхающих тучах», т. е. связь с «небесной» водой. Гисанэ исцелял больных с помощью «земной» воды целебного источника, бесспорным атрибутом Гисанэ была его воинская функция, он не только вдохновляет своих сторонников, но и лично сражается с врагами⁵³. Жрецы, узнав о намерении Прометейя уничтожить «великого бога» Гисанэ и Деметра, «ночью отправились туда, где стояли идолы, сокровища спрятали в подземелье, сами известили жрецов Аштишата: соберите всех способных к войне мужчин и завтра поспешите к нам, ибо великий Гисанэ должен выйти на войну против отступивших от веры князей. Также мужи Куара устроили засаду в садах, а некоторые в лесу, и главный жрец по имени Ардзан и сын его Деметр взяли войска, которые состояли из 400 мужей из дома Куара, поднялись на гору, что находилась напротив Куара, и ждали там, пока не пришли на помощь другие войска. А армянское войско на следующий день должно было пройти по подножию горы»⁵⁴. Так началась первая война с язычниками, и Ардзан перед сражением назвал армянских князей «потерявшими веру» и «отступившимися от родных богов», но «великий Гисанэ пошел войной на вас и предаст нам в руки и накажет слепотой и смертью»⁵⁵. Для армянских князей Гисанэ, как и Деметр, — не чужие боги, иначе Ардзан не назвал бы их отступниками. Однако далее Ардзан говорит: «Князья Армении, вот уже сорок лет, как мы служим великим богам и знаем их силу, ибо против врагов своих почитателей (служителей) они воюют сами. Сейчас мы не можем противостоять вам в войне, потому что это дом (страна) армянского царя и вы князья армянского царя. Но знайте, что хотя мы и не можем победить, однако предпочитаем скорее умереть за наших великих богов, чем видеть их оскверненными»⁵⁶.

Автор этого раздела противопоставляет «армянское» войско войску жрецов и отмечает, что последнее было поддержано «сельскими мужами», т. е. местным

⁵² О близнецах и «парных богах» в армянской мифологии см.: *Петросян А.* Армянский эпос и мифология. С. 18 и сл., 78–81; А. Израэлян считает, что «среди разных функций, приписываемых близнецам, главное место занимает вызывание дождя и регулирование погоды. В наскальных изображениях Армении близнецы представлены как небесные существа — светила или как созвездие в сопровождении знаков неба, солнца, луны и светил, а также животных, символизирующих гром-молнию и воду (бык, коза). В наскальном солнечно-лунном календаре близнецы изображены со змеями-молниями в сцене вызывания дождя. На двух бронзовых поясах из Самтавро зодиакальные близнецы передвигаются по небосводу вместе с означающими проливной дождь звездами». А. Израэлян полагает, что эти два пояса, «имея магическое значение, употреблялись в качестве своеобразного календаря для вычисления начала, продолжительности и окончания сезона дождей. На третьем самтаврском поясе представлена мифическая сцена борьбы перевоплощенных в пару волков-собак близнецов с вишапом (=рыба, змея), поглощающим солнце-жемчужину (=кольцо). Почитание близнецов у армянских племен продолжалось до конца эпохи бронзы, сохранилось в период Ванского царства» и позднее (*Израэлян А. Р.* Следы культа близнецов в древней Армении // ИФЖ. 1980. № 3. С. 216–228.)

⁵³ *Айвазян К. В.* «История Тарона». С. 272.

⁵⁴ История Тарона. С. 79–81 (Пер К. В. Айвазяна: «История Тарона». С. 237.).

⁵⁵ История Тарона. С. 84–85.

⁵⁶ Там же. С. 85. (Пер. К. В. Айвазяна: «История Тарона». С. 241).

населением. Отчуждение князей армянского царя от «родных богов» произошло, очевидно, после принятия ими христианства.

Примечательна география населенных пунктов, откуда пришла помощь жрецам Гисанэ: город Вишап (или Одз), некогда построенный племенем Гисанэ и Деметра, долго существовал в Тароне. Г. Инчичян, армянский географ и путешественник XIX в., обнаружил поселок Одз недалеко от монастыря св. Карапета. С. Т. Еремян помещает город Вишап (Одз — Авдз) на месте нынешнего селения Авзут у подножия Хутских гор, Мелде — ныне село Мехди в зап. Армении, Аштеанк (Аштенк) — гавар на юге Армянского нагорья, граничивший с Тароном⁵⁷. После победы армянские князья разрешили противникам похоронить своих павших бойцов, и они «поставили на могилах каменные столбы и сделали такие надписи: “Была первая война, которую [вели] похороненные здесь, хорошо воевавший глава жрецов Ардзан и вместе с ним 1038 мужей, и совершилась эта война во имя крос‘ Гисанэ и во имя Христа”»⁵⁸. В тексте перед теонимом Гисанэ употреблено слово крос‘ — от *kurk‘* (‘идол’), созвучное с именем Куар⁵⁹. И кроме того, Гисанэ — это скорее всего не имя, а постоянный эпитет бога «волосатый», «длинноволосый»⁶⁰. Можно предположить поэтому, что речь идет об одном боге-громовнике Куаре Гисанэ. Эта гипотеза находит подтверждение во взаимозаменяемых топонимах Куар (аван, село, дастакерт) и Гисанэ (аван, дастакерт, местечко)⁶¹.

Исследователи отождествляли Гисанэ с Ваагном — покровителем Тарона и его христианизированной версией св. Карапетом⁶². Во втором разделе «Истории Тарона» есть два эпизода, связанные с монастырем св. Иоанна Предтечи (св. Карапета). Мариам Арцруни, нарушившая запрет входить в церковь св. Иоанна Предтечи, увидела перед смертью и пересказала монахам видение «человека с длинными волосами, который в громяющих тучах, выйдя из церкви, идет ко мне. Вижу острое оружие, окрашенное кровью, которое он спрятал»⁶³. Смбат Мамиконян в бою с персами получил помощь человека, от волос которого исходил свет и который поразил персов слепотой, они перестали отличать своих от чужих и погибли⁶⁴.

Громяющие тучи, острое оружие длинноволосого сияющего божества, поражающее на расстоянии (т. е. молния), и, наконец, слепота, насланная им, очевидно, та же самая слепота, которой угрожал Ардзан врагам бога Гисанэ, — все эти атрибуты перешли от бога-громовника к св. Карапету, ставшему покровителем Тарона.

⁵⁷ См.: Еремян С. Т. О некоторых историко-географических параллелях в «Повести временных лет» и «Истории Тарона» Иоанна Мамиконяна // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Киев, 1965. С. 156–157.

⁵⁸ История Тарона. С. 94–95; Айвазян К. В. История Тарона. С. 274–275. Автор добавляет, что надпись была сделана на сирийском и греческом языках.

⁵⁹ О следах «Киг» в сасунском эпосе и о шумеро-месопотамских параллелях теониму Кур см.: Петросян А. Указ. соч. С. 36–37.

⁶⁰ Обычный эпитет для бога грома. Ср. борода и волосы Ваагна (см. выше).

⁶¹ См.: История Тарона. С. 79–109 (passim).

⁶² См.: Абегаян М. Труды. Т. 1. Ереван, 1966. С. 298–300; Russel J. Zoroastrianism in Armenia. Cambridge, London, 1987. С. 199 sq.; Амаякян С. Г. Культ божества Куэра-Куар. С. 157 и сл.

⁶³ История Тарона. С. 154–155.

⁶⁴ См.: Там же. С. 218–219.

водителем Тарона⁶⁵. Сакральная топография Тарона демонстрирует преобладание церковей в честь св. Карапета, заменивших храмы бога-громовника (Ваагн, Куар, Гисанэ). Во многих христианских конфессиях можно проследить генетическую связь святых с образом Громовержца или его противника⁶⁶. По глубокому замечанию Н. Я. Марра, «сама церковь, примирившись с устаревшими в ней переживаниями древней, искони народной религии, становится национальной»⁶⁷.

Армяне не столько вошли в новый христианский мир, сколько стали его важной составляющей. Переход от язычества к христианству — обычно коренная ломка менталитета и появление новой культуры, однако в Армении, по-видимому, процесс замещения языческих богов христианскими святыми отличается определенной мягкостью трансформации исходного образа.

В ранней армянской историографии отражен не только процесс замещения языческого божества христианским святым, но и осмысление библейской истории в сюжетах и лицах устной традиции, а родословная первых этногонических патриархов — эпическая версия древней армянской теогонии.

Мовсес Хоренаци включает родоначальника и эпонима армян Хайка в библейскую родословную в линию потомков сына Ноя — Яфета. Хайк и его род («с приставшими к нему пришельцами и всем людом и скарбом») переселились в «страну Арарадскую» (это не Айрат центральная Армении, а Арарат — область к югу от оз. Ван), он подчиняет живших там людей («еще прежде рассеявшихся»), строит там дом и отдает его своему внуку Кадмосу, сыну Араманака. Сам он пошел «с остальными людьми» на северо-запад и поселился на высокогорной равнине, назвав ее Харк, а люди, которые прежде жили там, покорились Хайку, что «подтверждают упомянутые устные предания»⁶⁸. За несколько поколений до Хайка область юго-западной части нагорья, по Мовсесу Хоренаци, была заселена потомками Сима, одного из сыновей Ноя, а один из младших сыновей Сима, давшего имя горе Сим или Сев Кар⁶⁹, Тарбан поселился с тридцатью сыновьями, пятнадцатью дочерьми и их мужьями в области, названной его именем⁷⁰. Тарбан таким образом становится эпонимом доармянских жителей Тарона, а Мовсес Хоренаци (или его источник) объясняет один из самых архаичных топонимов Армении, не упоминая имени бога грома.

Ключевые слова: индоевропейская мифология, сакральная топография, армянский ономастикон Тарон, храмы бога-громовника, язычество и христианство.

⁶⁵ Рядом с источником Гисанэ, издавна исцеляющим больных, Григорий Просветитель воздвиг Крест, мощи св. Карапета он поместил на месте капища Гисанэ (монастырь св. Карапета). Просветитель сохранил обычай жертвоприношения на горе Карке (быков, овнов, ягнят) (*Айвазян К. В.* Указ. соч. С. 274–275).

⁶⁶ *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 112, 117 и сл. См. указ. литературу.

⁶⁷ *Марр Н. Я.* Кавказ и памятники духовной культуры // Кавказский культурный мир и Армения. Ереван, 1995. С. 43; И. Ф. Федоров полагает, что христианство могло победить Перуна, только заменив его Ильей (*Федоров И. Ф.* Философия общего дела. Т. 1. 1906. С. 347).

⁶⁸ Мовсес II. С. 19.

⁶⁹ Группа гор Армянского Тавра к югу от Муша.

⁷⁰ Мовсес I. С. 26.

THE THUNDER GOD IN TARON

V. A. ARUTYUNOVA-FIDANYAN

The article focuses on the Armenian onomasticon of *Taron* (*Tarawn*, *Tarôn*) connected with ancient Indo-European myths. The name of the *gavar* and the region of Taron is evidently one of the most archaic place names on the Armenian plateau, as Taron is first of all the name and the property of the thunder god. The sacred topography of Taron abounds in churches dedicated to St Karapet which replaced the older thunder god (Vahagn, Kuar, Gisane) temples. In many Christian confessions a genetic link can easily be established between the cult of saints and the image of the thunderer. The Armenians not so much entered the new Christian universe as became its important constituent part. The transition from Paganism to Christianity usually implies a radical revolution in the way of thinking resulting in the emergence of a new culture; in Armenia, however, in the author's view, the process of replacement of pagan deities with Christian saints went probably softer in what concerned the transformation of the original image.

Key words: Indo-European mythology, sacred topography, the Armenian onomasticon of Taron, temples of thunder god, Paganism and Christianity.